

обоснования тезиса, что эллинские мудрецы как лучшие из людей, духовные, еще в глубокой древности и до явления Христа могли отчасти высказывать истину, хотя и в неясном, «зашифрованном» виде. Цитаты из ветхозаветных книг и «канонических» христианских текстов, которые признавались в качестве сакральных христианами ортодоксально-кафолического направления, служат в качестве внутренней, обращенной к церковным христианам аргументации, и имеют своей целью показать, что гностическое понимание христианства не только не противоречит этим текстам, но является истинным выражением их глубинного смысла. Содержание комментариев, которые легко отделяются как от текста комментируемых источников, так и от текста самого Ипполита, позволяет в общих чертах представить себе и богословскую концепцию их автора, который исповедовал гностическое христианство в форме, характерной для конца II в., и находился под сильным влиянием античной философской традиции. Сам же комментарий, по существу, представлял собой «апологию», оправдание гностического христианства, адресованное как языческой, так и ортодоксально-христианской аудитории.

Литература

1. *W. Anz.* Zur Frage nach dem Ursprung des Gnostizismus. – Leipzig, 1897.
2. *E. de Faye.* Introduction à l'étude du gnosticisme au II et III siècle. – Paris, 1903.
3. *J. Frickel.* Die Apophasis Megale, eine Grundschrift der Gnosis? // *Le Origini dello Gnosticismo. Colloquio di Messina 13-18 aprile 1966. Testi e discussioni.* Ed. Ugo Bianci. – Leiden, 1967. – P. 197-200.
4. *J. Frickel.* Ein Kriterium zur Quellenscheidung innerhalb einer Paraphrase (Drei allegorische Deutungen der Paradies-Flüsse Gen 2:10) // *Le Muséon*, 85 (3-4). – Louvain, 1972. – S. 425-450.
5. *K. Koschorke.* Hippolytus Ketzerbekämpfung und Polemik gegen der Gnostiker // *Göttinger Orientforschungen.* – VI. Reihe: Hellenistika, 4. – Wiesbaden, 1975. – S. 95-101.
6. *M. Marcovich.* Introduction // *Hippolytus. Refutatio omnium haeresium.* Ed. M. Marcovich. – Berlin, New-York, 1986. – P. 1-51.
7. *E. Peterson.* Frühkirche, Christentum und Gnosis. – Rom, Freiburg, Wien, 1959.
8. *G. Salmon.* The Cross-References in the Philosophumena // *Hermathena*, 11, 1885. – P. 389-402.
9. *H. Staehlin.* Die gnostischen Quellen Hippolyts in seiner Hauptschrift gegen die Haeretiker // *T. U.* – Bd. 6, H. 3. – Leipzig, 1890. – S. 1-108.

© Егоренков И.

О структуре жилого дома Херсонеса – Херсона (IV - IX вв.)

Пархоменко Мария

Пархоменко Мария. Про структуру житлового будинку Херсонеса – Херсона (IV-IX ст.). В статті розглянуто структуру ранньосередньовічного житлового будинку Херсонеса-Херсона. Вдослідженні використані дані джерела, яке раніше не розглядалося істориками для характеристики середньовічної садиби – політичного трактату Константина VII Багрянородного (913–959) «Про управління імперією». Вперше за допомогою зазначеного джерела висунуто припущення про те, що у житловому будинку або зовсім не було вікон, або вони були вкрай малими.

Parhomenko Mariya. About the apartment house building structure of Chersones – Cherson of the early medieval period (IV - IX centuries). In the article the structure of the early-medieval apartment house building of Chersones – Cherson is being described. The work contains materials from the source which hasn't been used before by historians – a Constantine's VII Porphyrogenetos (913-959) treatise «De administrando imperio». With the help of this source we came to a assumption that the house either didn't have any windows, or they were extremely small. **Key words:** Chersones-Cherson, apartment house, structure, early medieval, Byzantium.

Планировка и реконструкция раннесредневекового жилого дома Херсона до сих пор остается одной из неразрешенных проблем в исторической науке. Главной причиной этого является плохая сохранность археологических памятников IV-IX вв. и отсутствие письменных источников, освещающих повседневную жизнь города в данный период. Вместе с тем, подобная историографическая ситуация характерна не только для Херсонеса как провинциального центра, но и для всей Византии в целом. Этот факт делает работу актуальной не только в рамках изучения археологических памятников конкретного города, но и принципиально важной для исследования всего византийского градостроительства.

Ряд ценных наблюдений относительно планировки херсонских жилых домов принадлежит А. Л. Якобсону. Именно он впервые

попытался собрать воедино весь археологический материал жилищного строительства раннесредневекового периода, используя в основном данные, полученные в результате раскопок Г. Д. Белова [см.: 3-7]. Но, вместе с тем, в его работе отсутствуют научно-теоретические обобщения [27, с. 282-299]. Единственный исследователь, попытавшийся подойти к реконструкции жилого дома «темных веков», – С. Б. Сорочан. Исходя из имеющихся материалов и аналогий, он сделал попытку высчитать примерные размеры усадьбы, определить ее расположение в городе относительно общественных сооружений, а также установить функциональное соотношение ее структурных частей [23, с. 759-760].

Учитывая недостаточную изученность данной темы, мы попытаемся расширить имеющиеся представления о планировке и структуре усадьбы, в частности, сделаем попытку разобраться в спорном вопросе о наличии в доме указанного периода окон.

В этой работе впервые приведены сведения раннесредневекового источника, никогда прежде не использовавшегося для исследования структуры херсонского жилого дома, – трактата Константина VII Багрянородного (913–959) «Об управлении империей».

Рассказывая о событиях, связанных с заговором боспорян, автор описывает дом знатного жителя Херсонеса Ламаха. Спорность в датировке этого источника не позволяла исследователям как античного, так и средневекового города использовать его для характеристики как политической, так и повседневной истории. Авторы комментариев русскоязычного перевода 53 главы «Об управлении империей» М. В. Бибииков, Л. И. Грацианская подчёркивают, что хронологическая атрибуция сюжетов не совсем однозначна. Предложенная самим текстом гл. 53 временная последовательность явно несостоятельна [12, с. 261]. В комментариях указывалось на проблему использования этого текста в качестве исторического источника. Уже в XIX в. историк Т. Моммзен назвал информацию, изложенную в главе, «херсонесскими сказками» [16, с. 270], что надолго оставило этот источник за пределами интересов исследователей. Однако благодаря статье Р. Гарнетта, констатировавшего реальную основу не только первых четырех сообщений, но и сюжета о Гикий, связав его с боспорским царем Асандром (I в. до н. э.), изучение памятника продолжилось [1, р. 103]. События первых четырех сюжетов датируются рубежом III-IV вв. и первыми двумя третями IV в. Нижнюю границу, сопоставив текст гл. 53 с сасанидской надписью из Пайкули, Р. Гарнетт определяет 291–293 гг. [8, с. 98; 2, с. 74; 11, с. 120, 22, 48]. Пятую сюжетную линию, повествующую о подвиге Гикий, дочери херсонского «венценосца и протевона» Ламаха, которая спасла родной город от происков своего мужа, сына боспорского правителя Асандра, исходя из хронологической последовательности, следовало бы отнести к 80-м гг. IV в. Но Р. Гарнетт аргументировал датировку событий «легенды о Гикий» второй половиной I в. до н. э. [1, р. 103-105]. Это объясняется тем, что он впервые отнесся к пятому сюжету гл. 53 как к аутентичному источнику.

Несмотря на спорность политической истории, описываемой в гл. 53, история повседневной жизни, представленная в источнике как фон в виде праздноств и описания дома благочестивого Ламаха, не была подвергнута императорской цензуре. Доказательством этому может служить та скрупулезность, с которой автор описывает дом, его расположение и структуру, хотя это никак не влияет на достоверность информации о заговоре. На это же обращают внимание комментаторы трактата М. В. Бибииков, Л. И. Грацианская: «Текст гл. 53, вероятнее всего, не принадлежит Константину, но представляет собой беллетризованную подборку выписок из местных херсонских хроник античного и позднеантичного времени» [12, с. 261]. Впервые этот факт доказал Я. Харматт, который указал, что «гл. 53 построена на местной херсонесской хронике не позднее V в.» [29, с. 204]. Беллетризованной, на наш взгляд, оказалась история как политическая, так и повседневная, поскольку, если события заговора действительно можно отнести к I в., то описание дома соответствует периоду не ранее IV в. [26, с. 145; 24, с. 147; 14 с. 12]. Таким образом, данный источник вполне применим для характеристики жилых построек Херсона периода поздней античности и начала раннего средневековья.

Для проведения структурной реконструкции сопоставим письменные сведения с данными археологических раскопок.

Описываемый в гл. 53 дом, скорее всего, принадлежал богатому человеку, занимавшемуся выпасом скота. По мнению С. Ю. Сапрыкина, так называемые Сосы (место, где располагался дом) должны, «согласно тексту легенды», находиться «в нижнем городе близ порта» (очевидно, юго-восточный квартал Херсонеса) [22, с. 50]. «Дом же его в четыре строения простирался в ширину и длину вплоть до нижних частей [города], называемых Сосы, где он имел собственные ворота в стене и четыре большие калитки для входа и выхода вместе с другими особыми воротцами, так, чтобы из входивших в город его животных каждое стадо – коров, коней и кобыл, быков и телок, овец и ослов – входило через свои воротца и шло в свое стойло» [12, с. 261].

Представленный в источнике дом явно наделен гиперболизированными чертами, так как зданий описанных размеров ни античного, ни средневекового периода найдено в Херсонесе не было. Но это не свидетельствует об абсолютной фантастичности сюжета. Автор хроники, описывая подвиг Гикий, заметно стремится представить ее героиней если не имперского масштаба, то хотя бы примером для будущих поколений херсонесидов. Описание богатства дома Гикий и ее отца Ламаха должно было обладать некоторыми преувеличениями, так как преследовало цель убедить читателя в неопровержимой знатности героев.

В доме-усадьбе, исходя из описания, был двор с четырьмя постройками. Такое количество сооружений, соединенных коридорами, встречается практически во всех сохранившихся средневековых жилых строениях [27, с. 282–299]. Часть этих помещений, по-видимому, была

хозяйственной, а часть – жилой, причём дом явно обладал внутренним двором. Устройство дома служило для обеспечения основной хозяйственной деятельности. Именно для этого стены были оборудованы значительным количеством дверей, а во дворе имелись стойла.

Таким образом, представленный дом относился к типу двухэтажных жилых домов с функциональным разделением по вертикали. Такой тип жилых построек получил распространение в Херсонесе-Херсоне не ранее первых веков нашей эры, а точнее – в III-IV вв. [13, с. 100]. До этого периода в городе строились дома с горизонтальным функциональным делением [9, с. 25]. Данный факт подтверждает хронологическую достоверность письменного источника, что позволяет использовать его для реконструкции раннесредневековых домов.

Подобным образом был устроен большой раннесредневековый дом в северо-западном квартале на стыке IX поперечной и II продольной улиц [27, с. 286]. Этот дом обладал четырьмя большими помещениями, выходящими на улицу, а позади них находилось пятое удлинённое помещение, являющееся, возможно, хозяйственным двором. Отсутствие тут бытового археологического материала, вызванное позднейшей застройкой над домом, не позволяет с точностью говорить о назначении этих помещений.

Еще один раннесредневековый дом был расположен вдоль II продольной улицы. В нем выделяются четыре небольших помещения с толстыми стенами (толщиной 0,85–0,95 м), которыми этот раннесредневековый дом не ограничивался [27, с. 287; 19, с. 130].

Наибольшее количество материала дали раскопки квартала XVII и юго-западной стороны квартала VIII [27, с. 288]. Тут планировку раннесредневекового дома в целом выяснить невозможно, так как его стены (V-VI вв.) сохранились только в юго-западной половине квартала, а под стенами поздних помещений ничего не осталось. Однако хорошо сохранившиеся стены дома X в. основаны на стенах раннесредневекового сооружения и потому сохранили его планировку. Следовательно, мы можем получить приблизительное представление о доме, возникшем во второй половине VI в. или первой половине VII в. [27, с. 289].

Дом, по-видимому, был двухэтажным, о чём позволяют судить остатки лестницы, которая располагалась в южном углу помещения и вела на второй этаж. Для домов Константинополя наличие такого элемента, как каменная лестница, указывало на проживание в них «процветающих» семей [18, с. 156]. В одном из помещений, вероятно, был устроен внутренний дворик с водостоком, отводившим дождевую воду. Хозяйственное назначение этого дворика подтверждает значительное количество керамики, а также 9 свинцовых смятых пластин и 11 свинцовых кольцевидных грузил [27, с. 289]. В VI-VII вв. здесь проводилась кардинальная перепланировка усадьбы. Была достроена часть стены, три помещения и два дворика: внутренний, выложенный плитами и имевший черепичный навес, и внешний. Одно из помещений обладало

толстыми стенами, что позволяет сделать предположение о наличии второго этажа, традиционно жилого. Внизу, вероятно, размещалась кухня, в ней сохранились остатки очага, на полу – фрагменты амфор, столовой и кухонной керамики с закопченными доньями, каменная ступа, а также кости домашних животных и птицы, створки мидий, рыбная чешуя. Второе помещение было хозяйственного назначения, так как в нём обнаружены зернотёрки, жернова, ступа [28, с. 350]. Эти предметы указывают на занятие владельца дома земледелием.

Дом благочестивого Ламаха также имел второй этаж и лестницу. В нем, как и в раннесредневековом доме, жилые помещения располагались на втором этаже [12, с. 262].

Соседний дом, по-видимому, богатого человека (о чем говорят как его большие размеры, так и узорчатая выкладка, которой была украшена стена двора, граничившая с улицей) имел кладовую, расположенную в западном углу усадьбы. Она была опущена на 1,25 м от дневной поверхности. При ее устройстве использовали кладовую дома первых веков нашей эры, служившую хозяйственным целям и в раннее средневековье. В кладовой хранился производственный инвентарь, характеризующий род занятий владельца дома. В кладовую попадали по лестнице со двора [27, с. 287].

Описанные археологические останки считаются исследователями незначительными для проведения планировочной реконструкции [23, с. 759]. Поэтому реконструкция отчасти производится с помощью византийских аналогий и данных письменного источника [15, с. 34].

Общая площадь усадьбы составляла 100-150 м², достаточное количество места для проживания ромейской семьи из 5-6 человек [23, с. 759].

Дом состоял из хозяйственной и жилой части. В первую, кроме кладовых и, возможно, мастерских, входил дворик, о чем свидетельствуют врытые в землю пифосы для зерна, амфоры и производственный инвентарь. Жилые помещения находились на втором этаже, над хозяйственными постройками.

Исследователи давно обратили внимание, что такая структура херсонесского дома не является уникальной, она типична для домов Византийской империи. В домашней архитектуре Византии преобладали черты, унаследованные от Рима [15, с. 34].

Дома аристократии и зажиточных групп населения обычно располагались к улице задней, лишенной окон, стороной. Для Херсонеса это правило не всегда соблюдалось: некоторые дома к улице были обращены дворовой частью, зайдя в которую можно было попасть в дом [7, с. 26].

В кладке стен, размещении жилых усадеб чётко прослеживается античная традиция. Фундаментом для стен служили древние постройки, некоторые достроенные помещения, сооруженные еще в первых веках нашей эры, не потеряли своего функционального назначения и в эпоху раннего средневековья [27, с. 297].

Неограниченное количество высококачественного строительного известняка в Херсонесе способствовало тому, что стены относительно крупных жилых домов строились в основном целиком из камня. Но этот камень добывался не только в каменоломнях, а, по большей части, и в разрушенных античных домах. Стены раннесредневековых жилых домов X в. сложены, как правило, на глине и из более крупных, натесанных с лица блоков камня, более или менее выдержанными рядами [10, с. 64]. Кладка стен VI-VII вв. отличается большей монументальностью, а также существенным отличием является то, что она сложена не на глине, а на извести [27, с. 297].

Высота жилых построек в Крыму в эпоху раннего средневековья не превышала функционально необходимую. Так, в пещерных жилищах, высеченных в скальных массивах юго-западного Крыма, высота потолков была не более двух метров. В городских же домах высота помещений первого этажа предположительно была 2,5 м, около 0,5 м возможно добавляли на цоколь. Стены вторых этажей были такими же или ниже (около 2 м). Так как археологический материал не дает нам возможности говорить с точностью о высоте построек V-X вв. в Херсонесе, то мы можем только предполагать, что они были такими же, как и в целом в Крыму [10, с. 64].

Завершала постройки крыша, крытая черепицей светло-коричневого цвета в виде прямых плоских прямоугольных керамид, по обеим сторонам которых находился бортик высотой три-четыре сантиметра [19, с. 156]. Хозяйственные и подсобные помещения были велики, и им явно придавали большое значение [17, с. 69]. Дворы усадеб, их размеры и устройство зависели от хозяйственной деятельности домовладельца, но в целом, как и вообще все жилые постройки, были однотипными [17, с. 69]. Хозяйственные постройки занимали не менее 20%-50% от общей площади усадьбы [23, с. 369]. Двор могли выкладывать каменными плитами неправильной формы, тут же размещали водосток. В домах не было очагов, поэтому пища готовилась тут же, во дворе, либо в других подсобных помещениях на нижнем этаже. В кладовой, часто обустроенной из античных построек, стояли пифосы, частично вкопанные в землю, в которых хранилось зерно [27, с. 290].

Такое помещение обмазывалось желтой глиной. Оно частично углублялось в землю (1–1,5 м) и идеально подходило для устройства прохладного сухого хранилища. Сюда попадали по деревянной переставной или стационарной каменной лестнице. Именно в таком помещении, скорее всего, прятались заговорщики, описанные в гл. 53 «Об управлении империей» [12, с. 637].

В хозяйственных помещениях усадьбы хранился инвентарь, характеризующий профессиональную деятельность владельца дома. Здесь были найдены фрагменты железного якоря, рыболовные крючки для вязания сетей, иглы из бронзы [20, с. 5]. На занятие земледелием в

некоторых хозяйственных помещениях указывают находки железных сошников и жерновов [27, с. 293].

Жилая часть, находившаяся на втором этаже, как правило, состояла из одной или двух несмежных, одинаковых по размерам комнат. Комнаты, имевшие продолговатую форму, были узкими и низкими. Сюда можно было попасть по деревянным или каменным лестницам [15, с. 35]. Аналогичную планировку усадьбы, более близкую как структурно, так и территориально к Херсонесу, мы видим в его предместье на Гераклеяском полуострове, расположенном на правом берегу Камышовых бухты, в 7 км от Херсонеса - Херсона.

Проблема освещения жилых комнат естественным светом до сих пор остается открытой. Археологический материал вообще не дает никакого ответа на этот вопрос, а письменный источник косвенно говорит, что либо дом окон не имел вовсе, либо они были очень маленького размера. К такому выводу можно прийти после прочтения уже упоминавшегося ранее произведения Константина Багрянородного «Об управлении империей». Разоблачая заговор мужа, Гикия поджигает дом и требует у горожан, чтобы те убивали всех выходящих через двери [12, с. 267]. Учитывая, что перед этим она заперла дом на замки и что во время пожара человек стремится выбраться из горящего здания через все возможные отверстия, странно было бы не воспользоваться окнами. Вывод напрашивается двоякий: либо, как указывалось выше, окон не было вовсе, либо они были настолько маленького размера, что ими нельзя было воспользоваться для спасения.

Таким образом, можно сделать выводы, что херсонесский дом IV–IX вв. состоял из хозяйственной и жилой части. В первую, кроме кладовых и, возможно, мастерских, входил двор. Жилые помещения находились на втором этаже, над хозяйственными постройками. Об этом свидетельствует тот факт, что в вышеназванных домах описанные сохранившиеся помещения выполняли явно хозяйственную функцию. Хозяйственные и подсобные помещения были сравнительно велики, и им явно придавали большое значение. Двор усадьбы, его размеры и устройство зависели от хозяйственной деятельности домовладельца, но в целом были однотипными. Жилая часть, находившаяся на втором этаже, как правило, состояла из одной или двух несмежных, одинаковых по размерам комнат. Проблема освещения их естественным светом до сих пор остается открытой, хотя можно предположить, что окон либо не было вовсе, либо они были предельно малы. В целом все говорит об относительной обустроенности частного быта горожан, ничем не уступающей другим городам Византии.

Литература

1. Garnett R. The Story of Gycia // The English Historical Review. – 1897. – Vol. 12. – P. 102-103.

2. Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. – XII в. н.э.) / В. А. Анохин. – К., 1977.
3. Белов Г. Д. Итоги раскопок в Херсонесе за 1946-1950 гг. / Г. Д. Белов // История и археология древнего Крыма. – К., 1957. – С. 238-248.
4. Белов Г. Д. Итоги раскопок в Херсонесе за 1949-1953 гг. / Г. Д. Белов // Советская археология. – 1955. – Т. 24. – С. 257–281.
5. Белов Г. Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1955 году. Приложения. / Г. Д. Белов // Херсонесский сборник. – 1959. – Вып. 5. – С. 13-74.
6. Белов Г. Д. Раскопки Херсонеса в 1930 году / Г. Д. Белов // Херсонесский сборник. – 1948. – Вып. 4. – С. 5-17.
7. Белов Г. Д. Северный прибрежный район Херсонеса (по новейшим раскопкам) / Г. Д. Белов // Материалы и исследования по археологии СССР. – 1953. – № 34. – С. 26-32.
8. Белов Г. Д. Херсонес-Корсунь / Г. Д. Белов. – Л., 1969.
9. Буйских А. В. Жилые дома на северном берегу Херсонеса / А. В. Буйских // Херсонесский сборник. – Вып. 10. – 1999. – С. 23-40.
10. Даниленко В. Н. Жилые дома Херсонеса XIII – XIV вв. / В. Н. Даниленко // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. – К., 1988. – С. 60-70.
11. Зубарь В. М. Из истории Юго-Западного Крыма на рубеже II – III вв. / В. М. Зубарь. – К., 1987. – С. 120-123.
12. Константин Багрянородный. Об управлении империей. – М., 1989.
13. Крыжицкий С. Д. Жилые дома античных городов Северного Причерноморья (VI в. до н. э. – IV в. н. э.) / С. Д. Крыжицкий. – К., 1982.
14. Латышев В. В. Жития святых епископов Херсонских. Исследования и тексты / В. В. Латышев // Записки имп. Академии наук. – СПб., 1906. – Серия VIII по историко-филологическому отд. – Т. 8. – № 3. – С. 1-81.
15. Мак-Каркадейл Ч. Убранство жилого интерьера от античности до наших дней / Ч. Мак-Каркадейл. – М., 1990.
16. Моммзен Т. История Рима. – Т. 5: Провинции от Цезаря до Диоклетиана / Т. Моммзен. – М., 1949.
17. Поляковская М. А., Чекалова А. А. Византия: быт и нравы / М. А. Поляковская, А. А. Чекалова. – Свердловск, 1989.
18. Райс Т. Византия. Быт. Религия, культура / Т. Райс. – М., 2006.
19. Романчук А. И. Очерки истории и археологии византийского Херсонеса / А. И. Романчук. – Екатеринбург, 2000.
20. Романчук А. И. Слои VII-VIII вв. в портовом районе Херсонеса / А. И. Романчук // Античная древность и средние века. – Свердловск, 1976. – Вып. 11. – С. 156-159.
21. Ростовцев М. И. Сирик – историк Херсонеса Таврического / М. И. Ростовцев // Журнал Министерства народного просвещения. – 1915. – Т. 43. – Вып. 2. – Отделение классич. филол.
22. Сапрыкин С. Ю. Асандр и Херсонес (к достоверности легенды о Гикий) / С. Ю. Сапрыкин // Вестник древней истории. – М., 1987. – № 1 – С. 48-57.
23. Сорочан С. Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.) Очерки истории и материальной культуры. – Ч. 1-2 / С. Б. Сорочан. – Харьков, 2005.
24. Струве В. В. Древнейший историк СССР / В. В. Струве // Памяти академика И. Ю. Крачковского. – Л., 1958. – С. 139-161.

25. Трететский М. И. О древних херсонесских замках и ключах / М. И. Трететский // Императорская археологическая комиссия. – 1911. – Вып. 42. – С. 131-140.
26. Шестаков С. П. Очерки по истории Херсонеса в VI-X вв. по Р. Хр. / С. П. Шестаков // Памятники христианского Херсонеса. – М., 1908. – Вып. 3. – С. 143-250.
27. Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес / А. Л. Якобсон // Материалы и исследования по археологии СССР. – 1959. – № 63. – С. 282-299.
28. Яшаева Т. Ю. Раннесредневековые поселения в предместье Херсона на Гераклеийском полуострове / Т. Ю. Яшаева // Херсонесский сборник. – 1999. – Вып. 10. – С. 349-357.
29. Харматта Я. К истории Херсонеса Таврического и Боспора / Я. К. Харматта // Античное общество. – М., 1967. – С. 204-208.

© Пархоменко М.

Магия и представления о «демонических силах» в заупокойных верованиях древних египтян в эпоху Среднего царства

Пяничук Ольга

Пяничук Ольга. Магия та уявлення про «демонічні сили» в заупокойних віруваннях стародавніх египтян в епоху Середнього царства. Стаття присвячена демонології заупокойного культу та магичному захисту від чудовиськ потойбічного світу. Подання, що з'явилися під впливом поширення культу Осіріса, були тісно пов'язані з ідеєю посмертного покарання. У зв'язку з цим аспектом вірувань висвітлюється питання впливу магії на світогляд египтян та її роль у відношеннях між людьми, богами та демонами.

Pyanichuck Olga. «The magic and representations about “demonic forces”. The paper in doleful beliefs of Ancient Egyptians of the period Middle Kingdom» is dedicated demonology of the doleful cult and magic protection from monsters of the other world. Representations which have appeared under the influence by dissemination of the cult Osiris, have been closely connected with